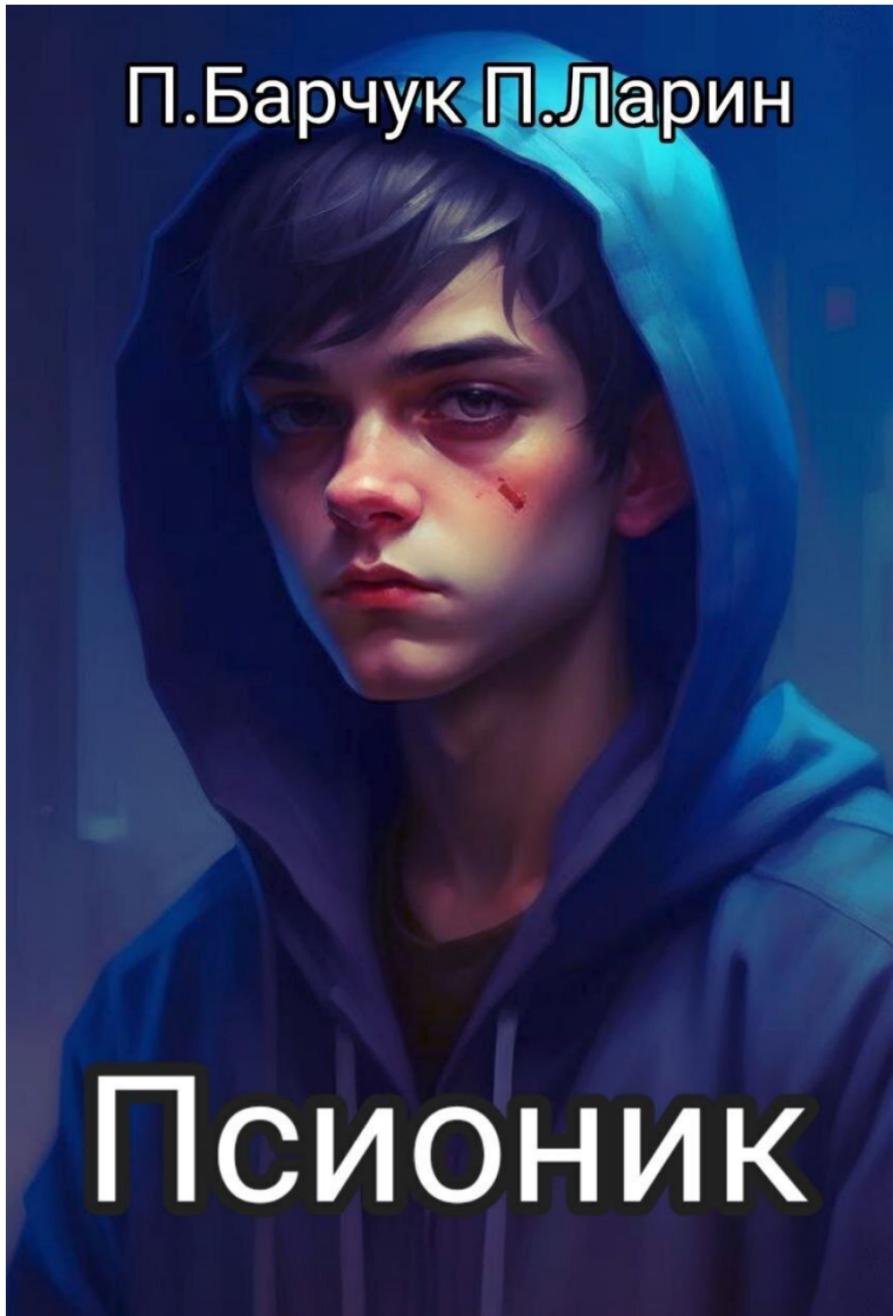

П.Барчук П.Ларин

ПСИОНИК

Павел Барчук
Павел Ларин
Псионик
Серия «Псионик», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70369435
Барчук Павел, Ларин Павел. Псионик: 2023

Аннотация

В моем мире нет волшебства, магии и чудес. В моем мире – чудо, если у тебя имеется крыша над головой и еда. В моем мире таких, как я – утилизируют. Мы опасны, неуправляемы, бесконтрольны. Кого волнует, что мне всего лишь 14 лет?

Но я выживу. Выживу, стану тем, кем должен быть по праву рождения. А все, кто пытается мне помешать... Простите, ничего личного. Лучше сдохнете вы, чем я.

Содержание

Унылое утро унылого дня	5
Воспоминания и щенок	18
Кенгуру и сорванный урок	31
Прошлое, Зина и полковник Особого отдела	44
Ложь и маски	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Павел Барчук, Павел Ларин Псионик

* * *

Унылое утро унылого дня

* * *

Сейчас я, наверное, с трудом вспомню, в какой момент осознал, что отличаюсь от других. Сильно отличаюсь. Пожалуй, это произошло впервые лет в пять...

Мать работала на заводе по утилизации отходов, а я, вместе с остальными детьми района, ходил в муниципальный детский сад.

Загон для крысят. Так называла это место сама директриса сада. Старая, мерзкая тварь с кудрями, выкрашенными в розовый цвет. Нас она люто ненавидела. И работу свою тоже люто ненавидела.

– Кому-то повезло получить в управление частные садики, а я всю жизнь в этой... блевотине! – Жаловалась она одной из воспитателей.

Конечно, откуда взяться любви? При таком-то отношении. Муниципалитет денег выделял мало, соответственно, положить в карман из этой кубышки нечего. Да и семьи у всех были, мягко говоря, не особо обеспеченные. Хотя... чего уж там скромничать? Те, кто жили в нашем районе, не сильно далеко ушли от уровня нищеты... Поэтому работать

директрисе приходилось за весьма скромную зарплату. Держало ее на месте лишь положение и должность.

– Черт... Квартира муниципальная, понимаешь? И для сына – льготы при получении страховки. Сама я – ладно. Перебьюсь как-нибудь... Если бы не сынок, уже послала бы к черту... крысятник. Меня с души воротит от этого места, от этих вечно непромытых детей. Собрали отребье по всему городу. Заводской район – это вообще отдельная статья. Малолетние уголовники... Хотя, с района ремесленников не лучше...

Воспитатель мотыляла своей башкой вверх-вниз, поддакивая словами директрисы. Ее очки при этом ездили туда-сюда. Спускались к самому кончику носа, а потом поднимались к переносице. Отчего-то очки запомнились мне сильнее всего.

Самое интересное – эти взрослые, которым пришлось по разным причинам работать в муниципальном саду, упорно считали виновными в их сложившейся, а точнее наоборот – не сложившейся жизни, нас, детей. Потому и срывали злость, не стесняясь. Так вот... В пять лет...

– Бобби! – Мать плюхнула на стол, прямо под нос, деревянную тарелку со скромной порцией каши, выдернув меня из воспоминаний.

– Горох, что ли... Блевать тянет от гороха... Сколько можно? Утром – горох... Вечером – горох... Я скоро буду кудахтать, как курица.

– Курицы не едят горох. – Мать сложила руки на груди, замерев рядом со мной.

– Возможно... Не знаю. Никогда не видел настоящих куриц...

– Бобби, ешь. Ты опоздаешь.

– Просил же, не называть меня так... – Я отвернулся к окну, наблюдая, как за стеклом серые унылые капли падают из серого унылого неба на наш серый унылый город. И это, если что, только самое начало осени.

– Какая же срань...

– Бобби! Запрещаю выражаться подобным образом! – Мать шлёпнула ладонью по столу.

– Запрещаю называть меня Бобби. Я – Борис. Лучше это козлиное имя, которое ты мне придумала, чем твоё ублюодское Бобби.

Я отодвинул тарелку в сторону, взял рюкзак, в котором лежали старый планшет с трещиной на стекле, подранный заяц Пашка с одним глазом и сверток. В свертке был завтрак. Мать так назвала это убожество. На самом деле – кусок генномодифицированной колбасы, прилипший к куску генномодифицированного хлеба. Покупать настоящие продукты – непозволительная роскошь. Мы столько не зарабатываем. Выйду на остановку и перед тем, как сесть в школьный автобус, выброшу это дерьмо в мусорку.

– Бобби...

Я резко поднялся из-за стола, отодвинув со скрежетом та-

буретку, и пошел к двери, не оглядываясь. Рюкзак тащил в руке, за одну лямку, прямо по полу.

– Борис! – Исправилась мать.

Ну, хорошо... теперь, пожалуй, можно остановиться. Я обернулся. Она замерла возле кухонного стола, который одной половиной находился в кухне, а второй – уже в гостиной. Вот такой у нас «огромный» дом.

Выглядела мать совершенно несчастной. Уставшее лицо в морщинах, понуро опущенные плечи, во взгляде – тоска и безнадёга.

– Я тебя люблю. – Сказала она, хотя явно думала совсем о другом.

Наверное, снова собиралась поговорить о ситуации в школе. О моих одноклассниках. О моих мудаках-одноклассниках... Кстати, слово «мудаки» матери не понравилось бы тоже.

Я молча открыл дверь и вышел на улицу.

Говорят, переходный возраст, пубертат и вся эта чушь – хреновое дело. Мол, подростки не могут найти общего языка с родителями. Ругаются с учителями. Бьют физиономии друг другу. Ну... тогда вся моя жизнь, все мои четырнадцать лет – один сплошной переходный возраст...

Спустился бегом по порожкам и быстрым шагом направился к выходу со двора. Очень надеюсь, она сейчас не кинется вслед за мной. Ненавижу, когда мать начинает рыдать и лезет обниматься.

Она не кинулась. Осталась в доме одна. Плачет, скорее всего. Все время плачет. Если бы слезы можно было продавать, мы бы озолотились.

– Боря! Борь! Подожди!

Не успел выйти за калитку, как меня окликнули со стороны соседнего дома. Дома... Домика, скворечника, коробочки для лягушонки. Вот так будет точнее. Дом – это слишком гордое название для нашего муниципального жилья.

По узкой дорожке, которая вела от двух кривых ступенек к такому же кривому забору, бежала девчонка. Моя ровесница. Жильё отделяли друг от друга невысокие ограждения из досок, поэтому девчонку я видел очень хорошо.

Один гольф у нее гармошкой спустился ниже положенного, второй – наоборот, зацепился за острую коленку. Кожа между краем школьной юбки и гольфами покрылась пупырышками. На улице прохладно. Сыро и мерзко. А она до сих пор носит эти чертовы гольфы.

Ее школьная форма выглядела немного помятой. Две косы без бантов были собраны резиночками на самых кончиках. Но даже в таком виде она – красивая.

Настя вообще с раннего детства была красивой. Прикол такой, наверное. Родиться в заводских трущобах, имея внешность настоящей дворянки.

– Ух, блин... думала не успею. – Настя закинула школьную сумку на плечо, одернула форменную школьную кофту, потом присела, подтянула гольф. – Смотрю, время уже по-

что восемь. Идем?

Я остановил девчонку, положив руку ей на плечо. А затем осторожно пальцами дотронулся до скулы. Там отчетливо была видна свежая ссадина, которую безуспешно пытались замазать тональником.

– Отец?

Подруга посмотрела на меня исподлобья, а потом отодвинула мою руку в сторону.

– Боря... мы уже беседовали на эту тему. Он – пьющий, несчастный человек. Который иногда просто не в состоянии себя контролировать. Идём, говорю.

Настя двинулась вперед. Несколько секунд смотрел ей вслед, а потом бросился догонять.

– Когда-нибудь наступит момент, я смогу тебя защитить. – Сказал это с ненавистью, глядя ровно перед собой, вперед.

На нее не смотрел. Боялся, еще раз увижу чертову ссадину и не выдержу. Развернусь, побегу в соседний дом, чтоб убить того козла, который юридически считается ее отцом.

– Ты знаешь, тебе нельзя... – Девчонка покосилась на меня. – Если хоть кто-то узнает... тебя просто... утилизируют... Так что давай оставим все эти разговоры о мести и поболтаем о приятном... Ну, что? Ты написал сообщение Лере? Написал? А?

Настя засмеялась и толкнула меня плечом.

– Перестань. – Я отмахнулся. – Ты же знаешь, это – невозможно. У Леры – богатые родители, крутой особняк в пре-

стижном районе. Ее отец – юрист при городской администрации. У них денег, что фантиков. Как и у всех, кто учится с нами в классе...

– Это, да... но зато ты – настоящий красавчик!

Настя снова засмеялась, а потом попыталась ущипнуть меня за руку. Черта-с-два!

Я успел поймать девчачью ладонь, сжал ее пальцами, при этом продолжая идти вперед.

До остановки школьного автобуса осталось – совсем ничего. Завернем за угол и все. На месте.

– Почему ты не хочешь Леру позвать на свидание? – Спросила Настя. Иногда она бывает слишком настойчива. Даже назойлива.

Теперь мы шли нога в ногу и держались за руки. С детства осталась эта привычка. Когда девчонка была младше, если мы гуляли по улице или бежали в магазин, я всегда держал ее ладонь в своей. Мы воображали, будто она – моя сестра. А я – ее брат. Хотя в Настинной семье есть еще младшие дети. В моей семье нет никого. Кроме меня и матери.

– Перестань, говорю. Лера слишком хороша для такого, как я. Ты же сама все понимаешь. Ну, какое свидание? О чем ты? Она сразу пошлет меня на хрен. А потом еще прибежит ее папочка-адвокат и упечёт наглеца из рабочего квартала в колонию для малолеток. За грязные домогательства. Черт... как же плохо, что нам приходится ходить в эту школу...

– Ну, просто в нашем районе больше нет такого количе-

ства способных детей, чтоб для них открыли самостоятельное учебное заведение. Хотя бы «началку» пока не трогают. – Настя пожалала плечами. – Ты же не думаешь, будто ради нас двоих замутили бы целую школу? Скажи спасибо, что муниципалитет выделил автобус и мы ездим в соседний район. А то бы так и росли придурками.

– За что спасибо, Насть? – Я остановился и повернулся к подруге лицом. – За то, что нам каждый день приходится переживать унижения? Два долбанных года каждый долбанный день. С того момента, как после шестого класса перешли в эту элитную клоаку.

– Не выражайся, Борька! – Девчонка с наигранным возмущением шлепнула меня легонько пальцами свободной руки по губам. – Тебе не идет. И вообще... хватит! Хватить говорить об этом. Нам все равно надо отучиться еще один год, чтоб поступить в колледж.

– Угу. Или устроишься на завод... Научимся превращать отходы в дерьмо, из которого сделают новое дерьмо. А потом мы на этом дерьме будем спать, есть, одевать его на себя.

Я выпустил Настину ладонь, сунул руки в карманы и снова пошел к повороту, за которым находилась остановка школьного автобуса.

– Рубцов! Какой же ты... – Настя топнула ногой, сжала кулачки, потрясла ими в воздухе. – Душнила!

Она выкрикнула последнее слово мне в спину, а потом бросилась следом. Догнала и с силой ударила в плечо. Хотя,

какая уж там сила. Смех один.

– А вот я обязательно приглашу Никиту на этот осенний праздник... ну, когда тыквы ставят на улицы... все время забываю.

– Ты имеешь в виду, самый тупой день в году, когда всякие придурки пьют на себя костюмы, изображая тех, кем они на самом деле и являются – придурков? Хэллоуин это, Настя. Никак не можешь запомнить.

Я с усмешкой посмотрел на подругу. Она реально способна рассказать все формулы по физике, перечислить без запинки все элементы таблицы Менделеева, но иногда путает «лево» с «право» и забывает, как зовут ее младших братьев. При этом Настю признали здоровой. Сказали, мол, расстройство, связанное с концентрацией внимания. Какая, к черту, концентрация внимания? В нашей сраной жизни есть лишь одно расстройство – наша сраная жизнь.

– Вот! Точно. Приглашу Никиту. Он такой... – Девчонка восторженно вздохнула и закатила глаза.

– Фу, блин... Сейчас сблую от количества ванильного сиропа в твоём голосе... – Меня аж передернуло, – Мудак он... как и все его дружки.

Пробормотал последнюю фразу себе под нос и остановился. Мы дошли к месту назначения. Старая автобусная остановка выглядела так же убого, как и весь наш район. Серая, облезлая, похожая на здоровенный мусорный бак без одной стенки. Здесь и воняло так же, как в мусорном баке. Я рас-

стегнул рюкзак, вытащил сверток, а затем швырнул его в урну.

– Черт... опять кто-то нагадил. – Девчонка, сделав вид, будто не заметила моих манипуляций, сморщила нос и кивнула в угол. – Ну, что ж за свиньи...

В углу лежала огромная куча дерьма. Нереально огромная. Казалось, будто ее оставил не человек, а великан.

– Насть, мы живём в месте, которое вообще выглядит так, словно кто-то нагадил. Иди сюда, поближе к дороге.

Я поманил ее рукой. Сам отошел от остановки, стараясь, чтоб ветер не приносил отвратительный запах в нашу сторону.

В этот момент из-за поворота показался желтый автобус с наклейкой «дети» на стекле.

– Капец, конечно... – Настя с усмешкой рассматривала подъезжающий транспорт. – Я читала книгу. Из старых. Лет двести назад написана. И знаешь, о чем тогда мечтали люди? О том, как они отправятся в космос. Как вступят в контакт с инопланетным разумом. Как по улицам будут летать сверхскоростные автомобили на воздушных подушках... и что? Вот оно, будущее. А мы едем в школу на древнем автобусе, вряд ли отличающимся от тех, которые были и тогда, двести лет назад.

– Ну, ты учти, они ведь не могли предположить, что их ждёт третья мировая война и почти сто лет вымирания. Лезь уже. Космос, блин... Машины на воздушных подушках...

Фантазёрка... – Я со смехом толкнул Настю в спину.

Автобус как раз остановился прямо перед нами. Дверь с тихим шипением отъехала в сторону.

– Привет, школьники. – За рулем сидел крепкий мужчина с глазами цвета кофейных зерен.

Мне это сравнение нравится больше, чем тупое определение «коричневый». Потому что от мужчины будто и пахло так же. Кофейными зернами. Хотя, конечно, этого совсем не может быть. Откуда у него возьмется столь дорогое удовольствие?

Ахмед живет на соседней улице. Он по рождению то ли араб, то ли индеец. Я в них, если честно, не разбираюсь. Да и не столь важно это сейчас. Не играет роли, как ты выглядишь, значение имеет лишь твой статус.

Ахмеду сильно повезло с работой. Он – водитель школьного автобуса. Утром отвозит нас в школу, в обед забирает из школы. Нас с Настей. Двоих учеников, которые вынуждены из своего убогого заводского района ехать в соседний квартал успешных людей. Может, не самых богатых, но всяко более счастливых, чем мы. Там находится школа, в которой есть старшие и средние классы. Там находится мой персональный ад.

– Привет, Ахмед. – Девчонка резво заскочила внутрь и плюхнулась на первое же сиденье.

Я просто молча, по-мужски, пожал протянутую руку.

Ахмеду около сорока. Кроме того, что он водит школьный

автобус, получая жалкие гроши от муниципалитета, этот темнокожий мужчина еще подрабатывает грузчиком в продуктовом магазине на углу, где пересекаются две главные улицы нашего района.

– Как семья? – Настя наклонилась и вытянула шею, заглядывая за перегородку, которая отделяла пассажиров от водителя.

– Все хорошо. Твоими молитвами. – Ахмед улыбнулся ей в зеркало заднего вида.

– Она не молится. – Я плюхнулся на противоположную сторону от подруги. – Мы все уже давно не молимся. Забыл?

– Боря! – Девчонка ударила меня кулачком.

– Холодно, а вы налегке. – Ахмед поцокал языком и покачал головой.

Мы с Настей промолчали. Ну, да, в этом году начало сентября такое, будто зима придёт гораздо раньше. Однако, это ничего не меняет. Муниципалитет выдает зимнюю одежду на предстоящий сезон лишь в октябре. То есть, нам ждать еще месяц. И всем плевать, что там на улице. Дождь, снег, ураган. А купить мы не можем. Это слишком непозволительная роскошь.

– Зато таких красавиц, как ты, поискать. – Ахмед снова улыбнулся Насте в зеркало. – Удивительно. Настоящий цветок посреди...

Он замолчал, подбирая слова.

– Посреди кладбища ядерных отходов. – Я усмехнулся. –

Такое же безнадежно гиблое место. Можешь еще сравнить с выгребной ямой. А что? Настоящий цветок, выросший в выгребной яме...

– Боря... – Настя нахмурилась и погрозила мне пальцем. – Ты сегодня просто в ударе, я посмотрю. Твой сарказм сегодня излишне саркастичен даже для тебя. Хватит. Если не перестанешь, начну злиться и мы поругаемся. Ясно?

– Ясно. – Я улыбнулся подруге, а потом, краем уха слушая, как она спрашивает Ахмеда о семье и детях, уставился в окно.

Это был обычный день. Так мне казалось. Обычный день нашей убогой, сраной жизни. Если бы я знал, насколько ошибаюсь, попросил бы Ахмеда остановить автобус, взял бы девочку за руку и сбежал бы. Куда-нибудь очень далеко. Тогда, возможно, мы смогли бы отсрочить то, что произошло спустя несколько часов. Отсрочить. Не миновать. Спрятаться от судьбы нереально. Особенно мне. Это я осознал еще в тот момент, когда понял, что отличаюсь от других. Сильно отличаюсь.

Воспоминания и щенок

Я тупо пялился в окно класса на серую хмарь за стеклом. Училка что-то вдохновенно рассказывала про экологию и пути ее сохранения. Вообще не слушал, если честно. Она каждый раз с таким восторгом проводит урок, что на месте администрации я проверил бы гражданку Марину Леонидовну на адекватность. Или на употребление чего-нибудь веселящего. Чему радуется женщина, непонятно. Экологии пришел трындец. Несмотря на активные усилия по ее восстановлению.

Давненько не бывало таких поганых дней, вот, что скажу. В начале сентября обычно еще светит солнце. А тут...

Может, погода так повлияла, может, мое настроение в целом, но я снова вдруг вспомнил тот самый первый раз, когда однозначно понял, что-то со мной не так.

Почему я решил, будто пять лет? Нет... Около семи, наверное... Точно. Мы должны были пойти в школу через месяц. Я хорошо запомнил тот день...

– Боря, идем гулять на мусорку? Поищем какие-нибудь классные штуки. Их потом можно продать старьевщику.

Настя, которая научилась выговаривать все звуки, чем ужасно гордилась, обожала произносить слова, в которых есть «рычащие» буквы. Она нарочито их выделяла, эти буквы, напоминая маленького чумазого тигрёнка. Тигрэн-

ка-альбиноса.

У Насти для нашего района абсолютно удивительная внешность. Совершенно светлые, пожалуй, даже платиновые волосы, белая кожа без единого изъяна и синие, чистые, как довоенное небо, глаза.

Ее отец раньше частенько, будучи пьяным, любил по этому поводу присобачить жене парочку синяков на лицо. Мол, с кем, сволочь, нагуляла? Жена плакала, клялась и божилась, дочь самая что ни на есть родная. А если муж сомневается, то может отправиться в клинику и сделать тест на отцовство.

На этом, как правило, выяснения отношений и претензии по крепости родственных связей заканчивались. Муниципальная больница подобных анализов не делает, а в частную клинику Настиного отца даже на порог не пустили бы. В последние годы он с этой темой почему-то затих. Не с пьянкой. Тут все нормально. Лакает больше прежнего и так же распускает руки. Насчет Настиного происхождения тема закрылась. Он больше не требует от жены доказательств верности.

– Не хочу на мусолку. – Я тогда был маленький и трусливый. Маменькин сынок. Замотал головой, а потом сделал шаг назад.

В отличие от подруги, моя «р» еще не была готова обрадовать мир своим существованием. Это, между прочим, сильно нервировало. Видимо, несмотря на возраст и слишком мягкий характер, во мне, как у большинства людей, уже возился

маленький эгоист.

Девчонка, какая-то девчонка, всего лишь девчонка умеет «рычать», а я, словно последний придурок и умственно отсталый – нет.

– Ой, ну, что ж ты такое ссыкло... – Настя схватила меня за руку и потащила прочь от дома.

Обычно мы гуляли на небольшом пяточке, расположенном поблизости от наших жилищ. Кто-то из соседей врыл в землю старые шины от колес. Мы по ним прыгали, изображая лягушек. Вернее, так. Вчера – лягушек. Сегодня – зайчиков. Завтра – кенгуру. Других развлечений не имелось.

Причем и я, и Настя всех этих животных видели лишь на картинках в энциклопедии. Ее нам показывала воспитатель в детском саду. Она уверяла, будто когда-то подобного зверья было в наших местах до чертиков. Ну, может, кроме кенгуру. Эти смешные животные, с крепкими, сильными нижними лапами, жили в Австралии. Сейчас их почти не осталось. Что-то порядка двадцати-тридцати особей, которые находятся во всемирном заповеднике и тщательно оберегаются системой охраны природы.

– Идем, идем... – Настя продолжала тащить меня за руку.

Я в итоге сдался. Спорить с подругой – себе дороже. Она иногда становится фантастически упряма.

– Настя, нас накажут... – Твердил я ей одно и то же, пока мы двигались к окраине.

Мусорка была огромной. Всегда. А сейчас стала еще боль-

ше. Она находится прямо сразу за последним домами района. Смешно. Большинство жителей работают на заводе по утилизации отходов, но мы сами обитаем по соседству с этими отходами.

Оказавшись на территории свалки, Настя не успокоилась. Она упорно тянула меня в самый центр. Обычно там можно найти что-нибудь интересненькое. Например, пару десятков не до конца изношенных вещей или какую-нибудь не до конца убитую технику. Богатеи любят выбрасывать то, что не сломалось, только из-за испорченного внешнего вида. Придурки... Я на мусорке прежде бывал несколько раз, но дальше границы, вглубь, не уходил. Взрослые если узнают, отхватить можно по первое число.

Мы застыли, открыв рты, напротив нескольких здоровенных куч хлама. Они напоминали своей высотой настоящие горы. В то время вообще казалось, перед нами – самый настоящий Уральский хребет.

– Ой, а кто тут пришел? – Из большой кучи в центре мусорной гряды вылез Жиртрест.

Жиртрест... Где он сейчас, интересно? Сдох, наверное. Удивительная гнида и мразь. Ему в то время исполнилось уже лет двенадцать. Высокий, крепкий, с круглым, лоснящимся лицом.

Честно говоря, понятия не имею, с какого перепуга оно у него лоснилось. Иной раз пожрать нечего. А если вышло сделать это несколько раз в день, вообще хорошо. Как прави-

ло, самые тяжелые времена в доме – перед получением зарплаты. Я знаю, когда они наступают, потому что мать плачет вообще без остановки.

Но вот Жиртрест выглядел так, будто он питается вровень с буржуями из соседнего района. Поговаривали, вместе со старшими мальчишками они приспособились ловить на свалке крыс. Ясное дело, вовсе не для того, чтоб завести себе домашнего питомца.

Следом за этим уродом показались еще трое. Такие же наглые и взрослые.

– Настя идем отсюда. – Я потянул подругу за руку. Моя чуйка начала активно долбить по моим же нервам. Она настойчиво советовала бежать.

Компания, которая, выбравшись из завалов мусора, шла в нашу сторону, считалась неблагополучной. Даже в нашем неблагополучном районе они были худшими среди подростков.

– А что такое? – Девчонка, задрав подбородок, с вызовом посмотрела на Жиртреста. – Мы тоже хотим искать всякие интересные штуки. Потом продадим их и купим себе что-нибудь. Мусорка не принадлежит только вам.

– Настя... – Я снова несколько раз дернул подругу за руку.

– Не вопрос... Ну, тогда вы должны пройти посвящение... – Жиртрест сделал серьёзное лицо.

Уже в тот момент в моем детском мозгу появилось подозрение, нам готовят какую-то подставу.

– Посвящение? – Настя оглянулась на меня, потом снова посмотрела на компанию, которая остановилась напротив. Они все, как один, ухмылялись мерзко и противно, напоминая почему-то тех самых крыс, которых ловят.

Кроме толстого главаря там были еще пацаны из ремесленного района, но их имен мы не знали. Слишком большая разница в возрасте. Кроме того, ремесленники считают себя чуть выше заводских. Типа, не роются в говне. Хотя, сейчас они именно это и делали вообще-то.

– Да. Посвящение. Все через него проходят. – Жиртрест важно кивнул. – Вон, спроси парней, они подтвердят.

– Согласны! – Сообщила Настя, чем сильно меня удивила.

Потому как лично я ни на что согласен не был. Я вообще хотел уйти побыстрее из этого отвратительно пахнущего места подальше от отвратительно ухмыляющегося Жиртреста. Осторожно в сотый раз потянул девчонку за руку, намекая, не свалить ли нам, пока не поздно. Ничего хорошего от этой шайки-лейки точно ждать не приходится. Однако она даже не оглянулась. Настя села верхом на свое ослиное упрямство и слазить с него явно не собиралась. Теперь ее никто не убедит отступить.

– Ну, хорошо... тогда вот... – Жиртрест одним движением вытащил из-за пазухи щенка. Маленького. Ему было не больше месяца, может, двух. Собаки – единственные животные, которых по-прежнему оставалось до черта. Несмотря на войну. Вернее, на ее последствия.

– Ой... какой хорошенький... – Настя шагнула к Жиртресту, протягивая руки. У нее даже взгляд изменился. Стал ласковый и счастливый. Она, похоже, решила, в этом и состоит посвящение. Нужно забрать щенка себе.

Однако говнюк, отрицательно покачав головой, сразу отступил назад.

– Нет. Вам надо его убить. – Пацан с усмешкой пялился на мою подругу. Его очевидно развлекала вся ситуация. Он ждал реакции, которая последует за этими словами.

– Убить? Ты чего? Совсем, что ли? – У Насти моментально на глазах выступили слезы. – Это же... Щенок!

– Конечно. А вы как думали? В том и есть ритуал посвящения. Вы должны доказать, что уже взрослые и вас можно пускать сюда. Убейте. И мы больше не будем мешать. Станете настоящими мусорщиками. В любое время суток – добро пожаловать...

Жиртрест развёл руки в стороны, показывая масштабы того, что нам станет доступно. Щенок висел, зажатый его толстыми пальцами-сардельками, и тихо поскуливал. Он, наверное, думал, с ним сейчас будет играть.

– Я не хочу. – Девчонка затрясла головой, спрятала руки за спину и попятилась назад. Пока не уткнулась в меня.

А я вообще в этот момент замер в ужасе. Убить живое существо. Это же... Ну, как? Как можно оборвать чью-то жизнь? Хорошо помню то чувство. Ноги стали ватными и еще почему-то затошнило. Сильно.

– Ну, хорошо. Мы сами. – Жиртрест пожал плечами. – Пацаны, тащите, вон, старые обертки. Разожжём костёр.

– Вы хотите его... на огонь? – Обычно светлая кожа Насти стала еще бледнее. Мне кажется, я в тот момент смог бы рассмотреть каждую венку на ее лице. – Борь, сделай что-нибудь... Пожалуйста...

Она обернулась, глядя на меня с ужасом. Будто это я собирался издеваться над щенком. Вот молодец, конечно. Когда Боря говорил, что не надо ходить на мусорку, когда Боря предлагал сбежать, его никто не слушал. А теперь – «пожалуйста».

А какое там «сделай»? От страха мои руки и ноги вообще решили изобразить, будто они утратили связь с мозгом. Я не мог двинуться с места.

Пацаны тем временем реально притащили несколько здоровых кусков бумаги. Наверное, осталась от переезда у кого-то. А может, просто выкинули за ненадобностью. Обычно в такие листы оборачивают продукты в дорогих магазинах. Малолетние уроды уже подожгли кучку, которую собрали чуть в стороне, чтоб не дай бог не полыхнуло все. Загорится мусорка, это – вообще полный триндец.

Щенок по-прежнему висел на руке Жиртреста. Он крутил своей башкой, совершенно не понимая, что скоро ему будет очень больно.

– Не смей! Сволочь! – Настя вдруг сорвалась с места и кинулась на Толстого говнюка, который стоял, возвышаясь над

нами, с довольной улыбкой на своей откормленной морде.

Видимо, по моему состоянию девчонка поняла, помощник из меня – такое себе. Самому кто бы помог. Но допустить, чтоб щенка бросили в огонь, она не могла.

Настя попыталась вырвать бедное животное из рук Жиртреста. Она даже пинала эту толстую тварь ногами, била кулаками в живот. Но что людей смешить? Ему Настины удары не причиняли никакого вреда. Он только демонстративно «охал» и похохатывал над ее стараниями.

– Сволочь! Сволочь! Сволочь! – Девчонка рыдала и, мне кажется, вообще не понимала, что делает. У нее началась форменная истерика.

– Иди в жопу. – Жиртрест с силой отпихнул Настю. – Дура! Чтоб не видел вас тут больше никогда. Иначе в следующий раз посадим в огонь твоего дружка.

Девчонка отлетела в сторону, упала на задницу, раскинув ноги, и смотрела теперь на обидчика с ненавистью. Но что могла сделать ее ненависть против четверых двенадцатилеток.

Именно в этот момент я вдруг почувствовал странное ощущение. Очень странное... Во мне начал формироваться незнакомый, непонятный горячий клубок. Где-то внутри, в районе живота. Он становился все больше и поднимался все выше. Пока не начало жечь в груди.

Мой взгляд вдруг выцепил на самой верхушке мусорный горы лист железа. Не сильно большой. Даже не представляю,

откуда он там взялся. Обычно подобные предметы мусорщики, которые занимаются свалкой, забирают сразу. Это же – металл. Мало того, ему можно найти применение, так он еще не способен утилизироваться самостоятельно, как та же бумага.

Я вдруг подумал, как было бы здорово, если бы этот лист сорвался с места, пролетел нужное расстояние, с силой ударил Жиртреста в шею и срезал к чертовой матери его тупую башку. Чтоб кровью залило все вокруг. Потому что он – тварь и я его ненавижу.

Мой взгляд словно приклеился к этому железу. Честное слово. Я смотрел на него, смотрел, смотрел... И понимал, а почему, нет? Хороший вариант. Достойная смерть для такого куска дерьма.

На секундочку, мне в то время было семь лет и я рос удивительным ссыкуном. Но что интересно, эти кровожадные мысли меня совсем не пугали. Я знал, так правильно. Каждый должен получить то, что он заслуживает. Жиртрест заслуживает поганой смерти.

– У вас был шанс... Вы его просрали. – Толстый говнюк с довольной рожей подошёл ближе к Насте, которая по-прежнему сидела на земле, размазывая слезы по лицу, и наклонился, собираясь что-то добавить.

В этот момент произошло нечто странное. Металлический лист дернулся и медленно пополз в сторону. Так как остальные пацаны стояли к мусорной горе спиной, они столь

удивительного фокуса не видели. А я видел. И я понимал, сейчас железка упадет вниз. Но она не упала. Она вдруг резко сорвалась с места и полетела в сторону Жиртреста. Будто кто-то очень большой и сильный швырнул металлический лист, как швыряют свой молот атлеты.

Пацана спасло лишь то, что он ровно за какую-то долю секунды до этого, наклонился к Насте. Железка пролетела над его головой, задев волосы на макушке, а потом с ужасным грохотом упала на землю.

– Мамочка... – Говнюк, как стоял, наполовину согнувшись, так и замер. Все-таки, дураком он не был. Прекрасно понял, сейчас ему могло просто снести к хренам голову. То, с какой силой швырнуло металлический лист, не оставило бы Жиртресту вообще никаких шансов.

Его товарищи замерли в не меньшем обалдении. Они застыли, широко открыв рты и хлопая глазами. При этом очевидно, вся их гопкомпания просто обоссалась от страха. Никто прежде не видел, чтоб железки с острыми краями, весом в пару десятков килограмм, вот так запросто летали по воздуху. Более того, чтоб они летали с ускорением.

Кстати, некоторые обоссались, вовсе не образно выражаясь. На штанах Жиртреста, ровно там, где застегивается ширинка, начало расползаться мокрое пятно. Огромное. Характерное.

– Ссыкун! – Выкрикнула Настя. Девчонку случившееся привело в норму. Она резко прекратила плакать, и при этом

вдруг стала собранной.

Настя одним движением вскочила на ноги,хватила щенка из ослабевшей руки говнюка, дернула мой рукав и рванула в сторону выхода со свалки.

– Бежим, Боря!

Только после ее крика меня отпустило. Спало оцепенение, а горячий огненный комок в груди, вспыхнув последний раз, растворился.

Я сорвался с места, догоняя подругу.

– Больше. Никогда. Никаких. Мусорок. – Заявил ей на бегу, сквозь прерывающееся дыхание.

– Нет! Ты видел? Видел?! – Настя выглядела счастливой. Ее щеки покраснелись. Она прижимала щенка к груди и неслась вперед.

Как только мы оказались вне пределов свалки, девчонка остановилась, посмотрела на меня горящим взглядом и громко засмеялась.

– Очень смешно. Подруга... – Ответил я ей, даже не заметив, что моя «р», наконец, прозвучала. Отчётливо и четко.

Просто в тот момент в моей голове роем клубились мысли. Совпадения, конечно, случаются. Всякие. Однако... Я точно знал, металлический лист полетел по моему желанию. Никакой ветер не смог бы его сдвинуть с места. Тем более, швырнуть на Жиртреста.

И вот тут – самый главный момент. Телекинез... Способность псиоников. Круто. Очень круто. Если бы не одно «но».

Псионники – вне закона. Государство велит любому, кто заметит подобные проявления в своих близких, сразу же сообщить в полицию. Псионники неуправляемы. Они – сумасшедшие. Агрессивные сумасшедшие. Каждый псионик подлежит утилизации. За укрытие псионика – смертная казнь.

Кенгуру и сорванный урок

– Рубцов! Прием! Ты о чем думаешь, во время урока?!

Голос звучал далеко. Глухо. И мне на него было искренне плевать. Я бы, наверное, вообще не отреагировал, если бы не Настя. Ее рука скользнула к моему бедру и очень больно ущипнула. Даже сквозь ткань брюк почувствовал эту боль.

Я моргнул несколько раз, фокусируя свое внимание. Нельзя так глубоко уходить в собственные мысли, когда вокруг много посторонних.

Поднял взгляд и сразу же уткнулся им в недовольную женскую физиономию. Рядом с партой, опираясь о нее двумя руками, стояла Марина Леонидовна.

Она наклонилась ближе приличного, отчего ее лицо оказалось практически перед моим. При желании я, наверное, мог бы высунуть язык и коснуться им кончика ее носа.

– Ты слушаешь, вообще, о чем я говорю? – Поинтересовалась училка.

Она с интересом рассматривала меня. Опасная близость. Так Марина Леонидовна может заметить плавающие пятна в глазах. Самый первый внешний признак псионика. Я давно научился их прятать, но сейчас слишком погрузился в воспоминания и мог утратить контроль над телом.

– Он наверное думает, как бы пожрать. Вы же знаете этих заводских. Они все время думают о жратве.

Я обернулся в сторону мудака, говорившего всю эту чушь.

Никита Костырев. Тот самый Никита, по которому сохнет Настя. По нему сохнут все девчонки школы. Богатый, довольный жизнью, балагур и весельчак. Такую маску носит этот урод. На самом деле он – гнида. Как тот Жиртрест из моих воспоминаний...

Рядом с Костыревым сидела Лера. Все верно. Самые богатые, самые красивые, самые популярные. Король и Королева. Причем, они дружат даже не по желанию. Считают, так правильно. Их родители так хотят. И вообще, деньги к деньгам. Откуда я это знаю? Иногда ради интереса ловлю мысли. Мысли... Я машинально улыбнулся. Мысли – это слишком громко сказано. Они оба – отличники, но при этом удивительно ограниченные люди. Как вообще Настя может думать, будто я влюблен в Леру... Кроме смазливой физиономии у этой девки нет ничего. Ну, и, пожалуй, еще деньги. Много денег.

– Прекрати, Никита! – Настя тоже посмотрела на своего ненаглядного Золотого мальчика.

Самое интересное, она ведь на него не злится. Просто Насте не нравится, что предмет ее любви обижает меня. Это я знаю без чтения мыслей. Когда-то давно сам себе дал зарок, ни при каких условиях не ковыряться в голове подруги.

– Ой-ой-ой... простите. Я ранил его нежную душу. – Костырев поднял обе руки ладонями вперед и заржал. Удивительный придурок.

– Рубцов, еще раз спрашиваю. Ты слушаешь, что говорит учитель? – Марина Леонидовна наклонила голову к плечу, по-прежнему пялясь мне в лицо.

– Конечно! – Я усмехнулся. – Экология. Глобальное потепление. Цугцванг человечества. Для начала про то, почему цугцванг. Цугцвангом в шахматах называется такое положение, при котором любой следующий ход ухудшает положение походившего. Лучшей иллюстрацией поведения человечества на планете служит старый прикол: «Вопрос: Что бывает страшнее дурака? Ответ: Дурак с инициативой!»

Училка, оторопев, выпрямилась и сделала шаг назад. Я только что слово в слово повторил все, что она сказала за последние пять минут. Конечно, ни черта я не слушал. Мне не надо слушать. Просто прочел остаточные следы ее последних мыслей. Человек так устроен. Прежде чем произнести что-то вслух, он формирует этот текст в своей голове. Потом придает ему форму, но еще некоторое время в его мыслях остается сказанное.

– Тааак... Интересно... – Марина Леонидовна развернулась и пошла к доске. Мне невольно в этот момент вспомнились Настины слова. Двести лет прошло, а в космос никто не полетел... И доска у нас старая. Деревянная. На которой мы пишем мелом. Интересно, как сильно бы это удивило людей в прошлом?

– Что же ты думаешь по данному поводу? – Марина Леонидовна остановилась возле учительского стола и поверну-

лась к классу лицом, оперевшись о стол бедром. – Давай... Озвучь нам свое мнение. Заодно посмотрим, как ты подготовился.

– Что думаю... – Я выбрался из-за парты и медленно двинулся к доске, при этом, с умным видом рассуждая на заданную тему. – Мы давно находимся в положении человека, стоящего на mine, которая работает на размыкание. Стоит поднять ногу – взорвется. В том положении, при котором лучшее, что можно сделать – ничего не делать. Прекрасно иллюстрирует способность и неумную тягу решать проблемы – Австралия. Да, та самая. Которая сейчас полностью покрыта лесами. Хочу вспомнить некоторые поступки наших предшественников. До войны. Итак... Вот они привезли безобиднейших овец. Ну, какой вред от овцы? Однако овцам надо где-то пастись. Начали сводить леса. Свели. Что в итоге? На полях начали плодиться кенгуру, которые превратились в настоящее бедствие. Естественных врагов у них нет. Численность контролировалась исключительно кормовой базой. Им создали базу. Думали, что для себя... В итоге количество кенгуру перевалило за миллионы. Они сожрали все, что только можно сожрать. Что делать? Начали уничтожать кенгуру. Бесполезно. Счет упорно оставался за животными. К тому же люди додумались отстрелять всех Динго. Итог – бесконтрольное размножение кенгуру.

– Очень интересно... – Марина Леонидовна нахмурилась и с сомнением покосилась на свой стол.

Там лежал планшет с материалом сегодняшнего урока. И ни при каких условиях я не смог бы увидеть текст. Я же – человек, а не орел. Чтоб на таком большом расстоянии прочесть все, написанное в учительском конспекте. Но двигаясь между парт в сторону доски, я слово в слово говорил то, что собиралась сказать сама училка.

Рискованно? Возможно. Однако бывают моменты, в которые не могу держать свои порывы творить всякую ерунду, под контролем. Меня прикалывает реакция людей на то, что они не понимают. И вот сейчас Марина Леонидовна никак не могла понять, какого черта я рассказываю заготовленный ею материал.

– Рубцов... Ты хорошо подготовился к теме... К теме, которую еще вам не задавали... Достаточно. Можешь сесть обратно.

– Да, ну, что Вы? Еще не закончил. Итак... – Я дошел до первых парт, миновал их, развернулся к классу лицом и с насмешкой уставился на своих товарищей. Которые мне вообще не товарищи. Не считая Насти, конечно. – Следующим этапом катастрофы стали двенадцать пар кроликов. Потом это количество превратилось в двенадцать миллионов... Но мы начнем с отправной точки. Кролики жрали все, жили в норах, грызли корни. Так появилась эрозия почвы. Австралийцы жутко инициативные ребята. Решили, что все проблемы им по плечу. Начали строить ограждение. Так появился второй после Китайской стены по протяженности забор. Не

помогло. Кролики продолжали плодиться. Специально для кроликов сделали биологическое оружие. Вирус миксоматоза. Города наводнили кролики-зомби. Обреченные подыхать и вонять. Частично они, конечно передохли. Выжило десять процентов кроликов. Но это уже были бессмертные мутанты, которых не берет ни один вирус.

– Рубцов! Достаточно! Что за... – Марина Леонидовна схватила планшет и принялась водить по нему пальцем, перечитывая свой же текст. Потом подняла голову, посмотрела прямо на меня. Да... Слово в слово. По-прежнему.

– Завезли лис и хорьков, чтобы они сожрали кроликов. – Я сделал вид, будто не понимаю ее взгляда и не слышу распоряжения заткнуться. – Лисы не настолько глупые, дабы гоняться за шустрыми кроликами, выкапывать их из нор... Они стали жрать тупых, доверчивых и медлительных местных сумчатых. Короче, ни кроликов, ни кенгуру не победили, а местной фауне, флоре, и почвам нанесли невосполнимый ущерб. И что дальше с этой проблемой делать, было совершенно непонятно. Следом завезли котиков. В надежде, что уж они точно сожрут кроликов. Но котикам стало неинтересно жить с человеком. Тем более, котики не настолько придурки, чтобы гоняться за шустрыми норными кроликами. Зачем? Когда на улице – сотни нелетающих, тупых и медленных птиц? Короче, количество котиков перевалило все за те же два миллиона и единственным вариантом сокращения поголовья стала очень сомнительная перспектива, что

котики начнутдохнуть, когда доедят остатки местной живности и им нечего будет жрать.

– Рубцов! Достаточно! – Марина Леонидовна в сердцах швырнула планшет обратно на стол. – И после урока останешься со мной в классе. Нам предстоит серьезный разговор!

– Оооо... Так не интересно. – Никита сделал обиженное лицо. – Мы тоже хотим остаться после урока и послушать, о чем вы будете секретничать.

– Костырев! Ты вообще помолчал бы! – Училка явно «завелась».

Так понимаю, она решила, будто я взломал ее планшет и скачал оттуда весь сегодняшний урок. Чтоб сорвать его. Хороша версия. Она меня вполне устраивает. Если Марину Леонидовну окончательно накроет псих и она пожалуется директорисе, скажу именно это. Пусть наказывают за нарушение правил субординации.

Честно говоря, не боюсь, что моя тайна откроется. Я ее хорошо спрятал. Уже не боюсь. Сначала боялся. Даже не так...

Сначала я просто не мог поверить. Во мне проявились способности псионика. Невозможно это. Неоткуда. Мой отец был обычным, простым человеком. Он служил на границе с Европейской автономией, где благополучно отдал жизнь за сомнительные ценности этого нового, чтоб ему сдохнуть еще несколько раз, мира. Мать – всю жизнь работала на заводе по утилизации отходов. В нашем роду никогда, вообще ни-

когда не рождались псионики. Даже если допустить, что способности удалось бы скрыть, ну уж близкие знали бы точно. Я сам прячу их семь лет, однако каждый день думаю, вдруг она поймет. Мать. Вдруг заметит. И тогда путь у нее лишь один – донести на собственного сына.

– А что Костырев? Вы же Рубцову приватную беседу назначили. – Придурок оглянулся на остальных одноклассников, – Ребят, кто хочет послушать страшные тайны Рубцова и Марины Леонидовны? Предлагаю проголосовать.

Естественно, первой рукой, взметнувшейся вверх, оказалась конечность самого Никиты.

Настя снова раздраженно оглянулась на своего любимчика. Потом посмотрела на меня. Прямо в глаза. Взгляд у нее был такой... Она словно мысленно спрашивала: Зачем? Что ты творишь, Боря? Перестань!

– Костырев! – Марина Леонидовна стукнула кулаком по столу. – Ты забываешься!

– Ой, да что Вы? – Никита, усмехнувшись, откинулся на спинку стула, руки сложил на груди. – Может, Вы забываетесь? На всякий случай, напомню. Мой отец – председатель попечительского совета. Школа у нас – частная. Муниципалитет оплачивает два места из жалости...

Костырев покосился на Настю. Поморщился. А потом добавил.

– Ну, еще потому, что кое-кто берет первые места на всех олимпиадах по всем возможным предметам. Ладно... При-

знаю. А вот Рубцов, уж извините, он – дебил. И я, например, хочу знать, о чем Вы будете с ним говорить. Он же что-то натворил. Так? А это опасная штука, когда всякие отбросы из заводского района что-то творят.

Марина Леонидовна возмущённо хватала воздух открытым ртом. Думаю, причина столь бурной реакции вовсе не в том, что меня называли отбросами. Думаю, училку добило напоминание о реальном положении вещей. Она в школе – никто и звать ее никак. Если этот придурок Косырев нажалуется папочке, то Марину Леонидовну выкинут на улицу без малейших сомнений. А экология – далеко не самый востребованный предмет. Несмотря на то, что правительства всех стран топят за ее восстановление.

– Если вы закончили... хотелось бы продолжить... – Я все с таким же невозмутимым лицом рассматривал и училку, и одноклассников. На слова Никиты, само собой, никак не отреагировал. Привык к его нападкам. Да и плевать на этого мудака. Одноклассники вообще были в восторге. Скучный урок по экологии становился все более занимательным. – Итак... Завезли сахарный тростник. Его начал жрать местный жук. Чтобы уничтожить жука, завезли жабу-агу. Жаба не стала лазить по тростнику и искать твердых жуков. Ей хватало мягких слизней, червей, ящериц. Чтоб вы понимали, уточню, жаба весила три килограмма. Не меньше. То есть жуков не побороли, но жаба сожрала всю экосистему. И ладно бы она просто что-то жрала. Беда в том, что у нее ядови-

тая шкура. Апокалипсис для хищников. Они начали, в свою очередь, жрать жабу и тожедохнуть. Вараны, змеи... кучи хищных трупов. Отравить змею – это ж какой надо быть жабой! Кволы, местные сумчатые хищники, например, почти полностью вымерли, потравившись жабами. К чему я так подробно привел этот пример? Ровно для того, чтобы показать, человек, влезая в естественную среду, создает кучу проблем. Но еще больше проблем он создает, когда героически начинает решать проблемы, явившиеся результатом его первого вмешательства. Все. Тема раскрыта полностью. Считаю нужным поставить точку.

Я отставил ногу назад и слегка поклонился. Как актер, закончивший выступление.

На Марину Леонидовну было жалко смотреть. Вернее, кому-то, наверное, и было жалко. Например, Насте. Настя вообще всех жалеет. Мне – нет. У каждого есть выбор. У этой женщины – тоже. Сама пошла в частную школу работать. Пусть жрет теперь все то дерьмо, которое ей отвешивают «благодарные» ученики.

– Рубцов... – Марина Леонидовна моргнула несколько раз, потом провела ладонью по своему лбу. – А теперь я жду признаний. Ты взломал мой планшет?

Я мысленно усмехнулся. Ну, да... Сейчас ее прилюдно опустил Костырев, и она пытается компенсировать раненое самолюбие за мой счёт. Решила все-таки устроить показательную «порку» того, кто точно не пожалуется папочке. Па-

почки-то нет. И мамочка – пустое место. И эти люди говорят, что они взрослые... Что они учат нас быть настоящими гражданами...

Отвечать на вопрос училки не стал. Молча направился к своей парте. Класс оживился еще больше. То есть занимательный урок теперь медленно, но верно переходит к открытому конфликту с учителем. Кайф...

– Рубцов! Немедленно вернись к доске и ответь! – Марина Леонидовна повысила голос.

А вот орать на меня не надо. Страсть, как этого не люблю. Я потянулся сознанием назад. Туда, где стояла училка. Осторожно осмотрел ее. Пощупал. Очень осторожно. Чтоб не осталось ни единого отголоска способностей псионика. А потом резко дернул застежку на бюстгальтере. Она удачно располагалась впереди. Как раз там, где грудь.

Вещичка с громким щелчком разлетелась в стороны. Ее будто реально рванули рукой. Естественно, грудь Марины Леонидовны, а скажем прямо, училка по экологии у нас еще весьма интересная дамочка, в одно мгновение оказалась «на свободе». И скрыть данный факт было невозможно. Во-первых, у Марины Леонидовны достаточно тонкая блузка. А во-вторых, у Марины Леонидовны достаточно приличные формы.

Пацаны восхищённо поисвистнули. Мне кажется, все, разом. Даже девчонки захихикали. Естественно, кроме Насти. Училка испуганно посмотрела вниз, не сразу поняв, что

произошло. Потом вскрикнула и прикрыла грудь руками. Ее лицо не просто покраснело. Оно стало пунцовым. Такое чувство, будто вся кровь в теле Марины Леонидовны прилила к ее щекам.

– Вы... Вы... – Она всхлипнула. Хотя слез не было. А потом выскочила из кабинета.

– Ну, вот... – Костырев разочарованно нахмурился. – Такое интересное было зрелище...

– Заткнись, мудака. – Бросил я в его сторону мимоходом, а затем подошёл к своей парте и плюхнулся рядом с Настей.

– Тебя выгонят из школы. Что ты творишь? – Прошептала он мне еле слышно.

– А может я хочу, чтоб выгнали...

Продолжит свою мысль не успел. Рядом уже стоял Никита. После «мудака» он одним прыжком сорвался с места, перескочил через несколько столов и теперь замер прямо возле меня.

– Слышь ты, чмо нищебродское...

Он сжал руки в кулаки, собираясь, видимо, дать мне в морду. Прикол в том, что лишь собираясь. Золотой мальчик знает, если затеет драку, я разобью ему рожу в одну секунду. Мы уже это проходили. Около года назад. Несмотря на то, что Костырев таскается на индивидуальные тренировки ко всем возможным тренерам, я один хрен смог один раз поставить его на место. Чисто физически, да. Но смог. Чего не ожидал сам, если честно.

– Ребят, ну хватит вам... – Настя вскочила со стула, обежала парту и попыталась плечом оттеснить Костырева.

Не знаю, к чему привела бы сложившаяся ситуация. Наверное, мы бы все же сцепились с придурком Никитой. Однако, в этот момент, крайне неожиданно, вдруг раздался характерный вой сирены, означающей общий сбор.

– Как так? – Настя испуганно посмотрела на меня.

Сирену во время уроков могли включить лишь по двум поводам. Внеплановая проверка или война. Второй вариант исключен. А вот первый... Если это он, то я капитально встрял.

Прошлое, Зина и полковник Особого отдела

– Черт, черт, черт... Придурок! Рубцов, какой же ты придурок!

Настя быстрым, мелким шагом семенила рядом со мной, при этом без конца повторяя одно и то же. Просто как заведенная, честное слово. Девчонка нервничала, это понятно. Она частенько нервничает из-за меня. Но сейчас уровень ее переживаний зашкаливал.

– Успокойся. Я пройду проверку. Чего ты разошлась?

– Правда?! – Подруга посмотрела на меня с таким видом, будто я сказал какую-то хрень. – Зачем ты устроил все это? А? На уроке. Зачем!?

Нас обогнала парочка учеников из параллельного класса и Настя чуть сбавила тон. На эмоциях она начала говорить слишком громко.

Мы торопились по школьному коридору в сторону спортзала. Обычно общий сбор проходит именно там. И если это проверка, а скорее всего так и есть, то специалист с аппаратом будет сидеть в кабинете физрука.

Сирена не дала нам с Никитой выяснить отношения до конца. Не знаю, правда, решился бы он на этот конец или нет. В любом случае, как только начался противный вой, в

класс заскочил дежурный учитель и велел всем шуровать на место сбора.

– Марина – нормальная тетка. Нормальная! Зачем ты начал ее доводить? И что теперь? Доигрался? – Настя перешла на шёпот. Но даже он у нее получался злым и громким.

Вообще, конечно, внеплановая проверка – дело очень странное. Обычно она проходит как раз по плану и ее проводят в конце учебного года. Всех учеников собирают в кучу и прогоняют через детектор определения псионических волн. Я научился его обманывать. Этот детектор. Реально не сложно. Смешно, но если бы кто-то из проверяющих узнал, как именно я это делаю...

Помню тот первый год. Мы пошли в обычную начальную школу. В своём районе. Там было... убого, но весело. Простые дети. Такие же как мы с Настей. Простые учителя. Да, они не были супер профессионалами. Не имели наград и званий лучших педагогов. Но они относились к нам нормально. Плевать, что учитель по словесности вела сразу несколько предметов, включая математику и логику. Что учитель труда редко бывал трезвым. Что мы сидели не за красивыми партами в красивой форме, а на полу, на циновках, записывая уроки самыми обычными шариковыми ручками на старых, переработанных листах бумаги. Все равно было здорово.

В тот момент, после случая на мусорке, я уже понял, ошибки быть не могло. Способности псионика каким-то удивительным чудом проявились во мне. Естественно, Настя

узнала об этом первой, сразу же. Хотя... Нет, не первой. Единственной. Она единственная узнала обо мне правду.

– Борь, ты совсем ку-ку? – Девчонка громко засмеялась. Мне даже стало обидно, если честно. Чего это я не могу быть псиоником? Интересно... – Откуда у тебя им взяться?

– Представляешь, а они взялись. – Я покрутил головой, выбрал взглядом камень, лежащий неподалёку, уставился на его, сосредоточившись. Через мгновение булыжник уже летел в дерево. Ровно туда, куда я и хотел его кинуть.

– Это... это фокус? – Настя посмотрела на меня испуганно. – Скажи, что это – фокус. Пожалуйста! Борь, я боюсь...

– Нет, Настя. Не фокус. – Я сел на пенек и понуро опустил плечи.

Потому что мне самому было страшно. Охренительно в семь лет выяснить совершенно случайно, что ты являешься тем опасным преступником, которого немедленно, без суда и следствия отправят на смертную казнь. Если откроется правда. В семь лет! В семь! Я испугался. Реально испугался. Я не знал, что делать со всем этим.

Три дня, прежде, чем прийти к Насте, проверял не было ли случившееся с Жиртрестом стечением обстоятельств. Просто двигал дома все, что мог двигать. Естественно, не руками. И оно, блин, двигалось! Мать, правда, вечером, вернувшись с работы, удивлённо поинтересовалась, не приходили ли ко мне друзья. Отчего у нас вся мебель как-то неправильно стоит? Хотя, какие к черту друзья? Эта женщина да-

же не знала, что у меня нет друзей. Одна лишь Настя.

Через три дня, попробовав телекинез на всем, для этой цели подходящем, понял, ошибки быть не может. Я – псионик. Моя способность – двигать предметы. Сел и заплакал. Реально. Как девчонка. Очень сильно не хотелось умирать. Потом подумал еще немного, взял свою любимую игрушку, зайца Пашку, и пошел к Насте. Мне срочно нужно было с ней поговорить. Насте я верил безоглядно. Всегда. Ну, а Пашка – это чисто для моральной поддержки.

Прямо с порога, как только девчонка открыла дверь, схватил ее за руку и утащил в убогую, скромную рощицу из десяти деревьев. Она находилась неподалеку. В нашей местности леса пока еще не восстановились полностью. Поэтому, да. Несколько деревьев в одной куче – это уже лесополоса!

Как только нас стало не видно со стороны домов, показал, что могу. Камень, палка, потом снова камень. Кидал предметы ровно туда, куда указывала пальцем подруга. Наконец, она поверила.

– Боря... – Девчонка по-деловому нахмурилась и поджала губы. – Об этом не должен знать никто. Вообще никто. Понял? И особенно – мама.

– Это и сам понимаю. – Я вздохнул, посадил зайца рядом со своей ногой, прямо на землю. – Только мы через несколько дней в школе пройдем первую проверку. Ты помнишь? Псиоников так боятся, что каждый год в каждой школе проверяют всех детей.

– Черт... Точно... Ёк-макарек...

Я с уважением посмотрел на подругу. Она выучила новое ругательное выражение. Отец, наверное, притащил. Он у нее всегда после очередного загула приносит смешные слова. Пьет с разными компаниями. Главное, работает ведь. Тоже на заводе, где и моя мать. Но все деньги спускает на выпивку.

– Так... – Настя подошла ближе, села на траву, по-турецки, сложив ноги. – Есть способ это избежать. Не проверку, конечно. Тут точно без вариантов. Итог проверки... Есть способ, сделать его нормальным. Есть... Система никогда не бывает совершенной... Систему можно обмануть.

Я снова посмотрел на подругу. Уровень моего уважения подскочил сразу на несколько пунктов. Настя даже тогда, в семь лет, была очень умной. Именно благодаря ей мы попали в частную школу после шестого класса. Муниципалитет был готов оплачивать место для девочки, у которой уровень мозговой активности переплюнул Эйнштейна. А девочка была готова учиться дальше лишь при одном условии. Муниципалитет предоставит ещё одно место для ее друга. В общем-то... Настя рисковала лишиться нормального будущего из-за меня. Если бы ей отказали во втором месте, то она бы не продолжила учебу. Как все остальные дети, пошла бы в ремесленное училище. А учеба – ее шанс. Думаю, эта девчонка гарантированно поступит в институт. На одно из немногих бюджетных мест. Их реально мало. На учебное заведение с количеством студентов в тысячу человек – всего десять. Де-

сять бесплатных бюджетных мест. Этих особенных студентов сразу присматривают для работы Корпорации. А что может быть круче? Всем, что есть в нашем мире, заправляют именно они – Корпорации. Кто не мечтает стать их частью? Выходило, такой человек есть. Настя. И я, наверное, никогда не забуду, что она готова была рискнуть своим будущим.

– Значит так... давай думать... – Совершенно по-взрослому сказала тогда девчонка.

И мы начали. Думать. Думали долго. Ни черта ни одной стоящей мысли не появилось. На улице уже начало темнеть. Мать вот-вот должна была вернуться с работы. В итоге, измучившись от сумбура в голове, от бестолковых вариантов, которые ни на что не годились, отправились домой.

Буквально за несколько метров до наших калиток, Настя вдруг остановилась. Она смотрела куда-то в сторону перекрестка. Я обернулся. Стало интересно, на что подруга обратила внимание.

По улице шла Зина. Зина была всегда, сколько я себя помню. Ее считали сумасшедшей. Блажной. Ненормальной. Никто не знал, где она живет. Но дом ей муниципалитет точно не предоставлял. Зина мало с кем разговаривала. Она всегда появлялась вечером со старой детской коляской, которую тащила за собой. В коляске, как правило, лежал всякий хлам с мусорки. Зина его собирала и продавала старьевщикам. Причем, ее даже мусорщики не трогали. Зина была своеобразным символом нашего района. Грязная, странная,

бездомная тетка.

В этот раз она не просто тащила свою коляску. Она выглядела еще более странно, чем обычно. На ее голове была надета шапочка, слепленная из фольги.

– Зина! – Настя сорвалась с места и побежала бродяжке навстречу.

Я, естественно, кинулся следом. После случая с Жирт্রে-стом особых изменений во мне не произошло, не считая способности двигать предметы. Не было такого, чтоб я вдруг стал чувствовать себя храбрецом или героем. Наоборот. Теперь я боялся не только окружающих, но и самого себя. Потому что теперь я знал, при желании могу убить человека.

– Настя, подожди! – Я пытался догнать девчонку и остановить ее. Но куда там! Она неслась со скоростью ветра.

Подбежала к бродяжке, схватила ее за руку.

– Зина... – Настя тяжело дышала из-за бега и ее слова получались рваными. – Что... это...

Девчонка ткнула пальцем в шапочку из фольги на голове сумасшедшей тетки.

Честно говоря, я думал, Зина нас пошлет. Она никогда ни с кем ни о чем не разговаривала. Даже когда добрые люди подходили и совали ей в руки остатки еды, которой у самих благодетелей было мало, бродяжка никогда не благодарила.

– Это? – Сумасшедшая подняла руку и потрогала свою голову. Она будто забыла про шапочку и теперь пыталась понять, о чем ее вообще спрашивают. – А-а-а-а-а... так защи-

та. Чтоб эти твари не смогли прочесть мои мысли.

– Какие твари? – Тут же «сделала стойку» Настя.

– Сионики проклятые. Знамо дело, какие. Фольга, алюминий... Прячут мой мозг... – Зина очень пугающе захихикала, а потом вдруг изменившись в лице, нахмурилась и спросила. – Вы кто такие?! А?! Пошли вон!

Тетка замахнулась и мы с Настей кинулись в противоположную от бродяжки сторону.

– Боря... – Девчонка бежала рядом, все так же тяжело дыша, – Мне кажется, я поняла, как тебе пройти проверку...

Не знаю... наверное, повлияло то, что нам в то время было по семь лет. Мозг мыслил еще по-детски. Сейчас я бы на подобную авантюру не подписался. Потому что с первого взгляда – бред полный. Да и со второго тоже. Но в тот момент идея показалась мне отличной.

Конечно, никакую шапочку из фольги пялить на себя я не стал. Меня бы просто-напросто заставили ее снять. Еще и в психи записали бы. Наш план был совсем другим. Когда пришло время проверки для первого класса и мы стояли перед кабинетом, где сидел суровый представитель Особого отдела государственной безопасности со своим страшным аппаратом, похожим на предмет для пыток, я просто начал усердно представлять, как на моей голове надета шапочка из алюминиевой фольги.

Настя предварительно разыскала для меня эту фольгу. Заставила ее потрогать, понюхать, даже попробовать на вкус.

Чтоб точно было понимание, каков этот предмет по своей сути. Поэтому, фантазия вышла очень реальная. Я даже слышал шелест когда мысленно поправлял несуществующий головной убор. И странное дело... все получилось. Все реально получилось. Я прошёл проверку. Во мне не было обнаружено способностей псионика!

Уже потом, позже, спустя несколько лет, мы с Настей смогли немного разобраться и предположить, что фольга способна частично блокировать длинные, средние и ультракороткие волны. Хотя при этом пропускает волны сверхдлинного диапазона. Аппарат, проверяющий детей, скорее всего, так и работал. Он ловил волны, которые выдавал мозг псионика. Ведь это и есть источник его способностей. Правда, мне тогда конечно, фантастически повезло. Прошло несколько дней с момента, как я использовал телекинез. След стал совсем неощутимый. Чисто теоретически, будь след свежим, никакая шапочка из вымышленной фольги не помогла бы. Сколь усиленно и натурально я бы ее не представлял, закрывая свое сознание от аппарата.

Поэтому следующие семь лет, каждый год, зная, что скоро предстоит проверка, я максимально старался вообще не пользоваться никакой способностью. А шапочку эту начинал представлять за несколько дней. Просто постоянно вел себя так, будто я в ней сплю, хожу, и вообще не снимаю. Наверное, дело опять же в псионике. Мозг принимал команду и верил в то, что на мне есть этот предмет. Я его, условно

говоря, создавал внутри своей башки. Точнее объяснить не могли ни я, ни Настя. У нас пока еще не имелось достаточно данных, чтоб разобраться в этом феномене.

Вся информация о псиониках была строго засекречена. В библиотеку не залезешь. Книжку не скачаешь. Тут же тебя вычислят, и примчатся «особисты». Чтоб выяснить, какого черта подросток в интернет-читалке ищет подобную литературу. Я даже не смог найти источник и причину такого отношения к псионикам. Почему? За что их объявили вне закона?

И вот сейчас, именно сейчас, похоже, есть реальная возможность вляпаться.

Я покосился на Настю. Она настолько сильно нервничала, что без остановки кусала губы. Просто грызла их зубами.

– Перестань. А то тебя точно в чем-то заподозрят. Безо всяких аппаратов. – Сказал ей тихо, наклонившись ближе. А потом незаметно для окружающих, осторожно сжал холодные пальцы девчонки своими.

Мы уже стояли в спортзале, выстроившись рядами. Все ученики. От первого до десятого класса. И кстати, Особому отделу вообще плевать, что это за школа. Муниципальная, интернат или элитная частная. Им глубоко насрать на родителей, на деньги, на связи, на статус. Особый отдел печётся о государственной безопасности страны. Все. Никаких недовольств быть не может. С ними даже Корпорации предпочитают не связываться лишний раз.

– Добрый день, дорогие учащиеся...

Перед нами нарисовалась директриса. Приветствие прозвучало именно от нее. Вот что интересно... Тоже удивительная дрянь. Может, их так и выбирают на эту должность? Чем гаже человек, тем больше он подходит?

– Какие же вы все у меня красивые... – Директриса сложила ладошки, словно собралась молиться, и прижала их к груди. Она улыбалась, рассматривая нас с абсолютно, на мой взгляд, идиотским умилением.

Правда, когда заметила меня и Настю, стоявших в первом ряду, еле заметно поморщилась. Мы – ее боль. Она не могла отказать муниципалитету в приёме двух учеников из заводского района, иначе ее обожаемую школу замучили бы проверки. Но восторга от присутствия среди деток богатей такого отребья, как мы, точно не испытывала.

– По сирене, сорвавшейся вас с урока, все уже поняли, случилась внеплановая проверка. – Директриса кивнула сама себе. – Мда... И так тоже бывает... Конечно, прошу у всех прощения за предоставленное беспокойство, но...

Она развела руками, чтоб мы точно поняли, как ей жаль тратить время своих обожаемых деток на эту ерунду. Смешно... Она так ведёт себя, будто уверена, среди приличных отпрысков из приличных семей не может быть псионика.

– Сейчас, как обычно, вас посмотрят на наличие... – Директриса пожевала губами. Ей явно не хотелось произносить эти ужасные слова вслух. – На наличие способностей. Но...

Сегодня все будет немного иначе. Как? Вам объяснит полковник Особого отдела государственной безопасности, господин Романовский. Прошу!

Директриса театральным жестом указала на вход в спортзал. Ученики одновременно повернули головы, уставившись на человека, который именно в этот момент вошел в помещение.

– Борь... – Тихо, одними губами, прошептала Настя, – Это же он... Ликвидатор...

Я застыв, вытянувшись в струнку, будто оловянный солдатик, смотрел, как медленно, чеканя шаг, к директрисе идёт самый известный особист в стране. Его считают самым жестоким, самым непримиримым борцом с псиониками. В их утилизации он принимает личное участие.

– Борь... – Настя снова еле слышно выдохнула мое имя. – Это звездац...

Ложь и маски

– Рубцов! – Выкрикнула мою фамилию директриса.

Хотя, нет... Не выкрикнула. Выплюнула. Будто пыталась избавиться от тошнотворного вкуса. Будто ее вывернуло этими буквами.

Она стояла с планшетом в руках возле двери кабинета, отправляя всех по очереди на проверку. Дамочка моментально выцепила меня взглядом в толпе учеников, которые бестолково перемещались по физкультурному залу, ожидая, когда их пригласят. Это те, кто еще не встречался с особистами. Кто прошёл проверку, уже умчались в класс, лишь бы подальше от Романовского. Ликвидатор словно впитывал в себя позитивные эмоции и улыбки, как черная, бездонная дыра. Оно, конечно, и без него особо позитивом не пахло. Высокомерием и снобизмом – сколько угодно. Позитивом – нет. Но с появлением полковника, когда он вошёл в зал, загрустили даже те, у кого вообще нет повода грустить.

Директрису при виде нас с Настей в который раз перекосило. Ясное дело, когда она произносит мою фамилию, у нее случается приступ желчекаменной болезни. Ее рожу сводит судорогой, а плюнуть в нашу сторону охота до зубовного скрежета. Мое лицо, наверное, периодически снится ей в страшных снах.

Не любит нас с Настей эта гадюка. Сильно не любит. Мы

– грязное пятно на девственной репутации ее школы. Естественно, с точки зрения самой директрисы. По мне, так наоборот. Это школа – пятно на нашей с девчонкой биографии.

Между прочим, Настя принесла им такое количество грамот, медалей и кубков, что на десять лет вперед ее никто не переплюнет. Мне кажется, директриса давно бы устроила какую-нибудь подлянку, чтоб выкинуть нас из этого царства богатых отпрысков и наследников. Вариантов, на самом деле, много. Элементарно – подстроить кражу. Или докопаться до внешнего вида. Или посоветовать тому же Костыреву настрочить жалобу. Или... Да что угодно, в принципе. Уверен, фантазия у гадюки имеется. Но та польза, которую приносит моя подруга, перевешивает ненависть руководства школы многократно. Впервые за все время существования учреждения оно попало в десятку лучших не из-за финансов, а благодаря показателям в соревновательной таблице.

– Твоя очередь... – Директриса, скривившись, кивнула мне на дверь, а затем сделала отметку в планшете и тихо, себе под нос, но чтоб я непременно слышал, добавила. – Надеюсь, день станет более приятным...

Последняя фраза звучала несколько странно. Если гадюка мечтает, чтоб я не прошел проверку, то вполне очевидно, это будет иметь последствия для школы. И проблемы для самой директрисы. Как же надо ненавидеть ученика, чтоб ценной репутации желать ему оказаться псиоником. Хотя... Эта женщина не понимает, насколько близка к правде. Бойтесь

своих желаний. Они имеют свойство сбываться... Но, нет. Не в этот раз. И не в следующий. Хрен я дам им меня раскусить. Жизнь, даже такая убогая, все равно кажется мне достаточно занимательной штукой.

– Борь... – Настя крепко сжала мою руку. Я чувствовал, как девчонку бьет мелкая дрожь. Она – молодец. Старалась держаться. Но страх за мою судьбу был, видимо, сильнее. – Удачи...

На большее ее не хватило. Казалось, Настя вот-вот расплачется, если скажет еще хотя бы слово.

– Все будет хорошо. – Я кивнул подруге и решительно толкнул дверь в кабинет.

Бывал тут неоднократно, но сейчас комната показалась мне какой-то очень маленькой. В ней словно нечем было дышать, словно из помещения выкачали весь воздух. Черная дыра... Точное сравнение...

Весь спортивный инвентарь испарился. Наверное, его срочно убрали в другое место. В углу, как всегда, стоял учительский стол. За ним сидел парень в военном кителе. Молодой, лет двадцати пяти. В данном случае, молодой на фоне полковника Романовского, который выглядит на железобетонный полтинник. Старый, хитрый лис... Так называет его пресса. Ликвидатор, конечно, тоже присутствовал. Как без него?

Появление столь одиозной фигуры произвело на учеников неизгладимое впечатление. Пока Романовский вышаги-

вал по дощатому полу физкультурного зала, ему вслед, словно тень, скользил тихий, испуганный шёпот. Подростки переговаривались между собой, пытаясь понять, какого черта происходит.

Особый отдел государственной безопасности занимается всем, что может угрожать восстановленной из пепла Российской империи в общем и императору в частности. Это известно каждому гражданину страны. Даже несмышленому ребенку. В том числе, Особый отдел отслеживает появление псиоников и уничтожает их. Но никогда, вообще никогда, ни в одной проверке не участвовал этот человек. Он решает проблему уже по факту ее существования. Делать ему на этапе поисков совершенно нечего. Слишком большая рыбина.

Особисты проверяют детей. Только детей. До шестнадцати лет способности либо появляются, либо нет. Потом их просто не может быть. Соответственно, если ты дожил до окончания школы и вокруг тебя не начали перемещаться произвольно предметы, если ты не слышишь голоса, не имеешь возможности залечивать свои раны, будь спокоен. Все с тобой хорошо. Вполне понятно, никому не придёт в голову на проверку в детскую школу отправлять человека, который считается серым кардиналом целого государства. Манипулятора, исподтишка дёргающего ниточки управления в стране. Факт известный – он держит крепкой рукой всю новоизбранную императорскую семью.

Так вот, по логике вещей, зачем Романовский тут? Зачем

вообще нужно его присутствие во время проверки? Мы же – дети, а не пойманные с поличным преступники!

Обычно всегда приезжали два особиста. Один работал за аппаратурой, второй задавал вопросы. И это были, как правило, рядовые сотрудники. В стране – хренова туча школ. Где напасть столько высоких чинов? Высокие чины нужны только в случае чрезвычайной ситуации. А чрезвычайная ситуация – это псионик, которого обнаружили. Тогда, да. Тогда школу закрывают на пару дней. Появляется срочная комиссия, которая шерстит всех более бдительно. Не знаю, честно говоря, зачем. Можно подумать, псионика – это грипп или вирус. Она не передаётся воздушно-капельным путем. Только даётся от рождения.

Естественно, сам факт внеплановой проверки, уж не говоря про участие полковника Романовского, вызвал у моих «товарищей» настоящий стресс. Я заметил, как некоторые, в первые секунды после появления Ликвидатора, начали лихорадочно строчить сообщения в телефонах. Наверное жаловались мамочкам и папочкам. Что их тут так отвратительно пугают.

Ну, а потом была речь Романовского. Смысл её сводился к следующему. Все мы – молодцы. Все мы – будущее своей страны и надежда государства. Честно говоря, прям чуть не расплакался от возложенной на наши плечи ответственности. С таким пафосом он это произнёс... После его слов вполне уместно было бы хором рубануть гимн.

Потом полковник перешёл к более приземлённым вещам. Заговорил о насущном. Внеплановая проверка никого не должна волновать. Всего лишь изменился её график, сдвинулся на начало года. Отличия новой процедуры совершенно незначительные. Теперь аппарат не будут подключать к объекту. Новая модель позволяет использовать ее на расстоянии. Значит, выходит тогда, процесс проверки пройдёт гораздо лучше, быстрее.

Короче, все очень классно и круто. Я бы даже поверил словам Романовского. Наверное. Если бы не один маленький нюанс. Там где находится Ликвидатор, ничего классного быть не может. Он – убийца. По сути, убийца детей.

– Рубцов Борис... – Протянул Романовский, затем поднял взгляд, уставившись мне в лицо.

Он замер рядом с подчинённым, который что-то настраивал в своём аппарате. Молодой особист крутил ручки, прислушиваясь к звукам, которых не было. По крайней мере, выглядело именно так. Словно парень слушает тишину.

Возможно, аппарат всё-таки что-то производит на уровне ультракоротких волн, но сейчас точно не стану проверять это. Не до шуток. Тут хоть бы след от воздействия на Марину Леонидовну успел стереться... Я же вроде не сильно использовал способности. Вообще еле коснулся.

– Проходи, не стесняйся.

Полковник сделал широкий жест рукой в сторону свободного стула, который совершенно «случайно» оказался по-

среди кабинета. Место, подобрали сознательно. Открытое пространство, которое будет напрягать. Потому что ученик, словно клоун на арене, на самом виду.

Я, как ни в чем не бывало, спокойно прошел и сел. Хотя внутри имелась тревога. Слабая. Правда слабость ее – результат моего мощнейшего контроля. В любом другом случае меня трясло бы не меньше, чем Настю. Боялся ли я Ликвидатора? Ясный перец! Конечно, боялся. Я же не идиот.

В этот момент в моей голове шла активная работа по созданию защиты. Я представлял даже не шапочку. Ни черта подобного. Я представлял целый кокон из фольги. Кокон, в который полностью завёрнуто мое тело.

– Как дела, Борис? – Дружеским тоном поинтересовался Полковник.

Затем он взял еще один стул, подтащил его ближе и уселся ровно напротив. Закинул ногу на ногу. Руками, сцепленными в замок, обхватил колено. Меня же, как назло, начали отвлекать его сапоги. Они были начищенны столь сильно, что в них отражались лампочки на потолке. Я то и дело взглядом возвращался к этой ублюдской обуви, не в силах забыть про нее.

– Спасибо, хорошо. – Ответил спокойно, уставившись при этом Ликвидатору в глаза. Старался не отводить их без нужды. Только вот сапоги...

Полковник, естественно, тоже смотрел прямо мне в лицо. Если пытается разглядеть пятна на радужке, то хрен ему. Я

усердно тренировался, чтоб прятать их. Почти год. Первый год своей новой жизни в роли психоника. Кстати, именно Настя подсказала мне это сделать. Сначала, когда проявляются способности, пятна еле заметны. Их почти не видно. Но потом, со временем, они становятся более четкими. Поэтому, пока не поздно, нужно приучить мозг отдавать верную команду телу. Я просто затемнил свои родные радужки. Мои глаза стали карими. И никто этого не заметил. Потому что никому не было дела до Бориса.

– Ты из заводского квартала... Я верно говорю? – Спросил Ликвидатор.

Он смотрел с участием. Мол, парень, твои проблемы мне близки и понятны. Ты – нормальный пацан, ходишь в эту ублюдскую элитную школу. Терпишь нападки этих ублюдских элитных отпрысков. Но знай, рядом есть люди, готовые тебя поддержать. Обновлённая Россия нуждается в таких, как ты. В простых парнях из рабочих районов. Ага! Три раза ха-ха!

– Верно поняли. – Я старался отвечать спокойным, размеренным голосом.

Давалось мне это совсем нелегко. В какой-то момент даже почувствовал, по виску катится холодная капля пота. Хорошо, что именно в этом месте мои давно нестриженные волосы сильно растрепались и полковник вряд ли заметил столь выразительную реакцию тела.

Проблема в том, что мне приходилось делать одновремен-

но несколько дел. Первое – представлять этот чертов кокон из фольги. Потому что аппарат стоял здесь же, в комнате, и мог поймать волны моего сознания. Молодой особист что-то постоянно там подкручивал. Возможно, новая модель ещё нуждается в доработке... Это было бы очень кстати...

Второе – я, сцепив зубы, крепко-накрепко закрыл свои способности, при том, что это было непросто. Из-за близости полковника Романовского они, мои способности, с бешеным желанием хотели свободы. Они хотели рвать на части этого холеного мужчину в военной форме. Хотели выжечь его мозг. Полностью. Хотели превратить Ликвидатора в овощ, пускающий слюни на свой дорогой китель. Потому что этот человек, сидевший сейчас напротив, убивал таких, как я. Ни в чем не повинных подростков. Понятия не имею, за что с нами так. Реально. Представить даже не могу. Семь лет ношу это все в себе. И что? Я не превратился в маньяка и садиста. Я не убиваю людей направо и налево. Так в чем прикол? Почему нас нужно уничтожать? Мы никому ничего плохого не делаем.

– Тяжело, наверное?

Я не сразу понял, о чем говорит полковник. Вернее, в первую секунду подумал, речь идёт о моем состоянии. Подумал, Романовский заметил, сколько сил уходит на то, чтоб держать себя под контролем.

– Тяжело быть белой вороной. – Пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд. – Эти богатенькие детишки...

Знаешь, я сам их не люблю. Моя семья – ремесленники. Да... Представь себе. Вижу, ты удивлён.

Не знаю, что там он видел, мне вообще, если честно, было до фонаря на семью особиста. Я хотел, чтоб проверка закончилась, как можно быстрее. Хоть с каким-нибудь уже результатом. Потому что желание убивать, которое возникло рядом с Ликвидатором, становилось невыносимым. Кстати, впервые чувствую подобное после встречи с Жиртрестом на мусорке. Вот сейчас происходило то же самое. Я, как тогда, буквально изнывал от желания умыться кровью Романовского.

– Да... Ремесленники. – Снова повторил он. – Пришлось закончить училище. Потом я поступил на службу в армию. Потом... Потом были всякие спецзадания в особо опасных точках мира. Извини, подробнее рассказать не могу. Отстаивал, так сказать, интересные страны. И уже после этого на меня обратили внимание в Особом отделе. К тому же, внешний враг, конечно, опасен. Это несомненно. Но внутренний...

О-о-о-о-о... Он опаснее во стократ. Дворянство я получил за свои заслуги перед страной, кстати. Потому, знаешь...

Полковник, усмехнувшись, уставился в окно. На меня смотреть он перестал. Это обнадеживает...

– Корпорации ненавидят меня. Ты в курсе?

Я, если честно, мог бы ответить, что его ненавидят не только Корпорации. Но самое последнее, что можно сделать в моей ситуации – это вступить в дискуссию.

– Считают, я – выскочка. Знаешь же, после того, как мы поднялись из руин, на первое место снова вышли те ценности, которые были много лет назад. А тут... Сын ремесленника... Ну, в общем-то, моя история сейчас неважна. Гораздо интереснее поговорить о тебе. Твой отец тоже служил, насколько могу судить по личному делу. Похвально. Гордишься?

– Не помню его. – Мой голос от напряжения сел. Пришлось откашляться. – Был слишком маленький.

– Мммм... Какая жалость. Ну, ничего. Зато ты знаешь наверняка, его смерть не была напрасной. Европейский анклав не желает признавать новый порядок в мире. Так что...

Приходится жертвовать... Да... Жертвовать людьми, их жизнями. Ну, что там у нас?

Романовский так резко переключился с рассуждений о героическом прошлом моего отца на молодого особиста, который сидел за аппаратом, что я даже немного растерялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.